

MARI TEE

ГЛАВА 37. Часть первая. В тюрьме.

– Ты чего такой, Вась, замороченый в последнее время? – спрашивает меня Виктор, очищая зеленый апельсин.

– Через неделю, Вить, будет ровно полгода, как я сижу здесь. Скоро прокурор продление ещё на два месяца мне должен сделать. Я вот и думаю, как бы повлиять на то, чтобы это продление не сделали.

– Опять ты, Вась, о несбыточных вещах мечтаешь. Забудь ты эти глупости. Тут любой бы с удовольствием повлиял на прокурора, но это нереально. На вот лучше, съешь дольку апельсина и помечтай, чтобы в следующий раз спелые апельсины привезли.

– Ну как же, Вить, нереально, если кому-то удавалось отсюда за деньги выбраться?

– Последний раз это было три года назад. Тогда и пати ещё вовсю проводились. В то время не было у полицейских установки сажать иностранцев, тогда ты за тысячу долларов на месте откупился бы. Это потом министр внутренних дел через СМИ заявил, что в Гоа больше наркотиков нет.

– Ага, а знаешь, для чего он это сделал?- говорю я, морщась от кислого апельсина. – Чтобы его сынуля свободно мог свои наркотики вместе с драг-дилером Аталло здесь, в Гоа продавать. Все последние пати проходили под прикрытием сына министра. Да ты, Вить, его и сам, наверное, много раз видел. Просто мало кто знает, кто его папа.

– А что же он пати все позакрывал? – спрашивает Виктор, натирая апельсиновой коркой себе ноги.

– А позакрывали, Вить, другие силы. Те, которые хотят на место министра сесть. Смотри, с каких слов в газетах статьи про драг-дилеров начинаются: «Министр внутренних дел сказал, что в Гоа больше нет наркотиков, а вчера силами драг полиции задержан крупнейший нигерийский драг-дилер с двумя граммами кокаина». Все статьи про арестованных драг-дилеров преподносятся в газетах в оппозиции словам министра, что драг-бизнеса в Гоа нет. Все крупные драг-дилеры, ничего не боясь, под прикрытием

этого сынули как работали, так и работают. А сюда сажают таких придурков, как мы. «Пойманы два крупных драг дилера по кличке Винни-Пух и мистер Бин», – улыбаясь, показывает Виктор на гуляющих по кругу грека Антонио и шотландца Джеймса.

– Интересные, Вить, в последнее время в газетах статьи выходят. Кто-то стал копать под самых влиятельных драг-дилеров. Со слов журналистов, их сейчас в Гоа всего трое осталось: Тамир, Аталло и Диди. Интересно, чем это закончится?

– Да ничем, Вась, заплатят журналистам, и перестанут писать. Все старые драг-дилеры ежемесячно шефу драг полиции деньги приносят, и наркотики сына министра продают. Кто же их осмелится тронуть? Змея не может кусать себя за хвост.

– Змея может кусать себя за хвост. Ладно, хрен с ней, с политикой! Как ты думаешь, Вить, можно ли местных ментов обдурить? Я, когда в Панджимской тюрьме сидел, предлагал мне Ашиш сдать какого-нибудь драг-дилера, обещал посодействовать с освобождением. Как ты думаешь, если я предложу сдать кого-нибудь, могут меня под залог выпустить, или нет?

– Сдавать, Вась, это нехорошо. Ссученные, они такие же, как пидоры, один раз согласился – значит, навсегда.

– Я и не собираюсь никого сдавать, надурить я хочу полицию. Меня только выпусти, я же сбегу в Непал сразу. Закажу себе новый загранпаспорт, есть у меня люди в России, сделают недорого. Другие друзья визу в индийском посольстве поставят. А третьи печати въезда и выезда из страны сделают. Выехать не проблема будет. Меня бы только выпустили бы.

– Кто же тебе, Вась, такому умному, поверит, ты ведь уже один раз посчитал ментов за дураков, – теперь здесь сидишь. Ты сначала сдашь кого-нибудь, а потом они подумают ещё, выпускать тебя или нет. А могут ещё статью добавить просто чтобы посмеяться над тобой.

– Но ведь и тебе, Вить, и мне предлагали полицейские за тридцать штук баксов выйти отсюда.

– Это неизвестно ещё, – может, просто на деньги разводили.

– Ага, только Муртиняна выпустили, а мы здесь сидим. Вить, а если я им наживку на крючок покрупнее насажу? Если скажу, что есть в Гоа лаборатория по производству МДМА. Есть у людей МДМА на один миллион долларов.

– Да кто же тебе, такому умному поверит? Тут, в тюрьме, каждый второй мастак такие истории сочинять. Всем на волю хочется.

– Ну, тут, Вить, всё от меня зависит. Как врать складно буду, так и поверят. А выпусти меня, я через два дня перейду границу с Непалом, и покажу жопу голую Индии, как Рико когда-то сделал. И в гробу я её видел со всеми полицейскими и ссучеными драгдилерами. Столько стран ещё прекрасных, в которых можно жить. Уеду во Вьетнам или Камбоджу, открою там на побережье ресторан, заново всё начну.

– Ты выйди отсюда сначала, мечтатель. Хрен тебе, кто про лабораторию и про лимон баксов поверит. Было бы такое, тебя давно бы выкупили отсюда, тысяч за тридцать. А ты – голодранец, такой же, как я и такой же, как все, кто сидит вокруг нас. Последняя надежда под кодовым названием «Тамир» рухнула, вот ты и забиваешь себе голову ерундой всякой. Ты себе мозг взорвешь бредом этим. Я понимаю, что к тебе девчонки твои приехали, вот и лезет к тебе в голову ерунда всякая о том, как побыстрее отсюда выйти.

– Василий, визит, – снова кричит охранник, открывая мне дверь.

– Вот. Иди, иди, Вась, лучше пообщайся со своими близкими. Может, поотпустит тебе голову ненадолго.

– Привет, девчонки! Как вы быстро загорели. Так не хочется о делах говорить, просто смотрел бы на вас, – говорю я, расцеловывая всех по очереди. Какие вы красивые у меня. Времени у нас всего пятнадцать минут. Самая важная информация у тебя, Лена, поэтому, ты первая рассказывай. Что Вова по моему поводу говорит?

– Козёл твой Вова. Никаких денег на адвоката он давать не хочет. А ведь когда тебя посадили, обещал пять штук баксов тебе передать. И в полицию вместе с сыном министерским боится пойти поговорить. А может, просто не хочет.

– Вот сука! Ну, что же мне тогда остается делать? Буду заниматься своим здоровьем и английским в ближайшие полтора года. Других вариантов нет. Тогда будем считать, что эта тема закрыта. Лучше расскажите мне, как вам тут отдыхается.

– Маме и Василинке замечательно. А я в Россию хочу, – грустно говорит Лена, опустив глаза. – Ничего, Василь, меня здесь не радует, ничем не хочу здесь заниматься, – ни пирожными, ни квасом, ничем. Будь она проклята, эта Индия. Рухнули у меня окончательно все иллюзии о Гоа. Ненавижу я теперь эту Индию, – почти плача говорит моя Лена. – Мы, наверное, побудем ещё пару месяцев и уедем. В рашке я хоть делать что-нибудь смогу, а здесь

ничего неохота. Для кого тут, в Гоа, стараться что-то делать? Для тех уродов, которые сейчас нас окружают? Козлы одни остались здесь. Скоро в Гоа твой брат приедет. Он тут с твоей мамой ещё пару месяцев после моего отъезда побудет. И, я считаю, в школу Василинке ходить надо. Здесь годовую плату за школу с двух до пяти тысяч долларов подняли. У нас столько денег нет. Точнее, у нас сейчас нисколько нет.

– Лена, продай мой ноутбук, кондиционер, стиральную машинку, продавай всё, что можешь, и возвращайся в Россию. Я тебя понимаю. Когда-нибудь я обязательно отсюда выйду, и приеду к вам. Главное, ждите меня. Может быть и к лучшему, что вы уедете, а то у меня сердце разрывается на вас смотреть. Без вас мне проще продержаться здесь будет.

ГЛАВА 37. Часть вторая. На воле.

– Привет, Вась, привет, Лэнк. Вы опять после тренировки накуриваетесь? – здороваясь с нами, говорит только что подошедший к ресторану Арик.

– А что бы и не покурить с утра, если дел никаких нет? А ты чего, Ара, с утра такой серьёзный?

– Проблема, Вась у меня из-за тебя возникла. Твоя посылка вчера в Москву пришла, нет там никакого ЛСД. Херня всякая лежит, которую ты для веса покупал. А бутылочки нет. С меня уже деньги обратно спрашивают. Так что попали мы с тобой на бабки. Извини за неприятную новость с самого утра.

– Арик, а я-то причём тут? – отодвигаю от себя недоеденные блинчики, чувствуя, что аппетит пропал мгновенно. – Я кислоту на почту отнес и отправил. Почему это я должен нести ответственность за то, что она не долетела до Москвы? Может, разведут тебя, Арик?

– Нет, не разводят, друзья это мои, я их давно знаю.

– А может, менты забрали?

– Если бы в Москве милиция узнала, то их бы сразу арестовали. Ты, Вась, опишь товаров делал, когда посылку отправлял?

– Нет. С маленькими посылками ни описи, ни паспорта не требуют.

– А может, местная полиция на вас вышла? – спрашивает Лэнк, пододвигая мои блинчики к себе. – Надо тебе, Вась, на почту идти

узнавать, что произошло, или бабки возвращать, – серьёзно заявляет Арик, рассматривая кого-то вдалеке позади меня.

– Страшно, конечно, после Ромашки на почте с таким делом появляться, но не волнуйся, я что-нибудь придумаю. Вряд ли непальская полиция ЛСД когда-нибудь видела. Смотри, Арик, а не твой ли это дружок челябинский по улице идёт, – показываю я на приближающегося лысого персонажа.

– Вот кого, Вась, здесь не хватало ещё увидеть. Точно, он. А я думаю, что это за лысая голова такая знакомая. По-моему, прятаться поздно, он нас заметил.

– Здорово, парни. Что, думали, спрячетесь от меня в Непале? – с серьёзным лицом говорит подошедший парень с сумасшедшими глазами.

– Как ты нас нашёл, Ваня?

– А мне парень один, по имени Марат сказал, где вас найти можно. Он у меня пятьсот рупий взаймы взял. Сейчас тоже подойдёт сюда.

– Ой, мля! – хватается за голову Лэнк, прожёвывая последний блинчик. – Завтрак испорчен, до прихода Марата надо куда-нибудь переместиться.

– Как жизнь челябинская? – старательно пряча свою нервозность, спрашиваю я крепкого лысого парня с выпученными глазами.

– Хорошо всё у меня. Мне бы только стул кока-кольный на вершине горы поставить и соковыжималку на пляже, чтобы бабы больше давали. Я немного рефлексирую, потому что у меня кундалини не в ту сторону завернулась. Но, про ваш сговор я всё понял. Из Гоа меня хотели выгнать, но я вас и в Непале нашёл.

– Всё, Ваня, прекрати, не могу я это слушать. Ты же знаешь, что тебе к психиатру нужно.

– А я был у доктора в Челябинске. Он мне каких-то таблеток прописал. Но они не помогают, потому что всё дело в кундалини.

– Не в кундалини дело, Вань. Наркотики тебе прекратить есть нужно. И с курением тебе тоже завязать не помешало бы.

– А я, Вась, наоборот – в Непал приехал чараса покурить. Мне он помогает мою энергию кундалини обратно заворачивать.

– Эй, Адзур, дай нам счёт, мы уходим, – суетливо вытирая салфеткой губы, говорит Лэнк хозяину ресторана.

– А вы куда, парни? Я пообщаться с вами хотел. Сюда Марат обещал сейчас подойти.

– Не, извини, Вань, мне на почту нужно сходить, с делами кое-какими разобраться.

– А мне гимнастикой срочно захотелось позаниматься, – говорит Лэнк, вставая из-за стола.

– Ну, может ты, Арик, со мной пообщаешься? Что же мне, самому с собой здесь разговаривать?

– Что-то я, Вань, плохо себя чувствую, пойду, посплю. Всё, пока, парни, на созвоне. Увидимся вечером.

Выходя из заведения, я вижу, как Ваня с серьёзным лицом что-то одиноко бормочет самому себе.

***

– Ну, слава Богу, ты вернулся с этой почты, – вздыхая, говорит Лена, открывая мне дверь. – Когда же ты прекратишь дела с наркотиками иметь? Серёга сидит, Ник сидит, Ромашка сидит. Ты понимаешь, что ты пошел на почту спрашивать про свои наркотики, которые в Россию отправлял, понимаешь, что тебя, как Ромашку, могли арестовать?

– Ну, не совсем так. Не волнуйся, дорогая. Всё прошло хорошо. Непальцам и в голову не придёт, что в запечатанной бутылочке для ушных капель двести доз ЛСД. Даже прикольно было. Прихожу я на почту и спрашиваю «где капли для ушей, которые я отправлял посылкой?» А они говорят: «Извините, у нас новое правило, месяц назад вышло. Теперь лекарства без рецепта врача посылать нельзя. Лежат ваши капли в Катманду, в головном офисе. Извинились на почте очень вежливо и сказали, что сегодня же ближайшим самолётом передадут сюда, в Покару, мою бутылочку. Так что завтра заберу я свои капли.

– А вдруг они узнали, что там двести доз ЛСД? Вдруг тебя завтра арестуют?

– Лена, мы в Непале. Здесь, кроме чараса, никаких больше наркотиков не знают.

***

– И здесь обманули тебя. Ты же сказал, что у нас купе в поезде будет, – чуть не плача говорит моя Лена, сажая Василинку себе на колени. – Как я устала, когда же это всё закончится? Сначала четырнадцать часов в этом чёртовом автобусе, который, я думала, развалится по дороге. Во время дождя на меня из дырки в крыше вода лилась. Потом эти революционеры-маоисты, когда они на-

пали на нашего водителя автобуса и стали его избивать, я думала всё, – сейчас нас в заложники возьмут. Потом в грёбаном Горакпуре Василюшка всю ночь с большим ушком плакала, я думала, с ума сойду. Ведь в округе в радиусе нескольких сот километров одни ветеринары-самоучки, и никаких больниц. А теперь ещё вместо обещанного купе нам плацкарт обычный впарили.

– Ну, хоть зато с кондиционером вагон, – пытаюсь я успокоить свою жену, готовую взорваться от обиды и возмущения. – Мне в Непале, в турагентстве клялись и божились, что это билеты в купе. Тут, Лен, нет моей вины.

– Василь, у нас в сумке два килограмма гашиша, тысяча доз МДМА и полтысячи капель ЛСД. Ты вообще понимаешь, куда нас втягиваешь? И в последний вечер в Покаре, вместо того, чтобы мне помогать вещи собирать, ты обдолбанный кислотой блондал по дому.

– Лена, ну ты же знаешь, что я не специально обдолбался. Я, как на почте получил назад свои «ушные капли» с ЛСД, сразу решил перелить их в другую тару, – ну, и пролил на руку полбутылки. Кислота концентрированная, мгновенно впиталась через поры кожи. Хорошо ещё, что я быстро сообразил платком кислоту с руки вытереть, а то бы до сих пор обдолбанный ходил. Гриша в Покаре сейчас мой платок, кислотой пропитанный, водичкой залил, и по глоточку каждый день попивает. И вообще, я считаю – мне очень даже повезло. Мне один израильтянин рассказывал, что пролил он сто капель себе на руку, и вырубило его на трое суток.

– А по-моему, Василь, в последнее время слово «повезло» и ты – в разных частях света.

– Прости меня, дорогая, я очень хочу избавить тебя от всех этих незапланированных переживаний. Просто так выходит, случайно. Кстати, смотри, – по-моему, мы не одни тут русские в поезде. Сто процентов даю, вон те белые, что грузят свои вещи в наш вагон – тоже русские.

– Привет, земляки, – обращаюсь я к семейной паре, проходящей мимо нас с большими чемоданами.

– А вы что, тоже русские? – с изумлением спрашивает парень с круглым, простодушным лицом. – Значит, вы тоже в Бомбей едете? Это хорошо, вместе веселее будет.

Удачно разместившись на свободных сиденьях напротив нас, они первыми начинают знакомиться.

– Я – Сергей, а это моя жена Лена, а это – наш сын, Кирилл.

Изголодавшись по общению с русскими ровесниками, наши дети тут же затевают какую-то игру, с визгом прыгая с полки на полку.

– Мы в Гоа уже три года живем, говорит Сергей, обняв за плечи свою супругу. На самом юге, в Палолеме, у нас на пару с индусом есть свой ресторанчик.

– А у нас, на самом севере Гоа, тоже свой ресторанчик есть, «Хэмп» называется, слышали, может, о таком?

– А ты не тот ли Вася, про которого в книжке «Гоа синдром» написано? – удивлённо спрашивает Сергей, выкладывая на стол съестные запасы.

– Я самый, точнее сказать тот самый, который три года назад был. Много чего с тех пор изменилось, и Гоа теперь не то, и я уже не тот. По книжке я белый и пушистый тогда был, а сейчас, в реальной жизни, не могу вернуться в Россию, потому что в розыске.

– А случайно, не по статье за мошенничество? – с улыбкой спрашивает Сергей, вытаскивая большой пакет непальских чипсов.

– А откуда ты про мою статью знаешь? По-моему, в книжке об этом ничего не написано.

– Да я не знаю, а предполагаю. Потому, что сам по этой статье уже несколько лет нахожусь в российском розыске. Риэлтором я работал в крупной московской компании, хотя сам я из Белоруссии. Несколько лет назад закончился у меня срок действия паспорта, нужно было в Белоруссию возвращаться. Хотел я на родину у босса на пару неделек отпроситься, а он ни в какую. Говорит: «На тебе весь отдел держится». Посоветовал мне у знакомых, быстро, за три тысячи долларов новый паспорт сделать, – я и согласился. А в то время теракт с чеченцами случился. Помните, «Норд-Вест» спектакль назывался? Тогда террористы театр захватили, и что-то у них не заладилось, много людей тогда погибло. Так вот, там, у террористов, паспорта такие же левые, как и у меня были. А мне в то время в Сочи нужно было слетать, меня прямо в аэропорту и арестовали. Трёшку баксов тогда ментам отдал, чтобы отпустили, в тюрьму совсем не хотелось садиться. Вернулся я в офис, прихватил тогда тридцать штук баксов в своей конторе, и быстро в Индию уехал. Правда, я их за год на кокаин потратил, но теперь вот ресторатором стал. У меня уже два года как паспорт закончился, – смеясь, говорит Сергей. Моя жена с Кириллом законно границу переходили, а я лесной тропинкой прошёл.

– Да, красавец ты, Серёга! А у меня вот тоже скоро паспорт заканчивается, даже не знаю, что делать. Видимо, в следующий раз тоже лесом проходить придётся. Есть, точнее, одна идея у меня, я могу подделку под пермишн¹ Саи-бабовский сделать, на нём я год в Индии полулегально прожить смогу. А потом через Непал нужно будет прорываться.

– А я, Вась, два года уже в Непал вообще без паспорта прохожу. Ты же видел, какой там бардак на границе. Мне кажется, Васян, не просто так мы здесь повстречались. Только в Индии такие совпадения могут случаться. В одном вагоне возвращаются из Непала два чувака одного возраста, жён Ленами зовут, дети ровесники, и оба по одной статье в розыске находятся. В одно время когда-то из рашки жить переехали, ты на севере Гоа рестораном заправляешь, а я на юге. Может, ты и в шахматы любишь играть?

– Серёга не поверишь, только что хотел в шахматы предложить поиграть! Я очень люблю эту игру.

– Есть у меня, Вася, кое-какие идеи по открытию большого ресторана. Приезжай к нам на Палолем, тебе у нас понравится.

– Обязательно, Серёг, приеду, давно я подумываю новые земли осваивать, засиделся я в Арамболе. Вон и дети у нас уже вместе играют. Расставляй шахматы.

---

¹пермишн-разрешение на нахождение в стране после окончания срока действия визы